

АРХИТЕКТУРА МЕДИАЛЬНОГО ОБРАЗА¹

Штайн Оксана Александровна

*кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский
государственный технологический институт (технический
университет), Россия, г. Санкт-Петербург
e-mail: shtaynshtayn@gmail.com*

Аннотация. Понятие «медиаобраз» является конструктом теории «медиального поворота» в истории философии. Дорога XX в. была опасна избытком поворотов, таких как антропологический, семиотический, лингвистический, медиаальный, и вот, в XXI в., мы наблюдаем поворот «тактильный», связанный с ощущением городского пространства. Архитектура медиаального образа – это песнь рыцарей американского мегаполиса: Энди Уорхола и Дэвида Бирна. Их описания сравниваются с чувственным описанием европейского города В. Беньямина.

Ключевые слова: архитектура, идентичность, коммуникация, образ, религия, сознание, топос.

*– Если в пространстве заложена
идея бесконечности, то не в его протя-
женности, а в сжатии.*

И.А. Бродский, поэт.

Медиаобраз – это город, выстроенный в нашем сознании архитекторами и властью. Архитекторы дают идею, план, конструкт, власть осуществляет воплощение, а рабочая сила складывает кирпичи, заливая в бетон и камень фундамент идеологии. Имена, лица и бюсты высечены в мраморе и граните.

Медиаобраз – явление историческое, речь идет не об онтологическом и даже не об аксиологическом его основании, только об увеличении радиационного фона влияния.

На размышления об архитектуре медиаобраза меня натолкнули две книги культовых фигур XX в., которые представлены не только на сцене в образе лицедея, но и в зрительном зале в образе наблюдателя. Это Дэвид Бирн, основатель знаменитой группы Talking

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 13–03–279 «а» «Медиаальный образ традиционных конфессий современной России».

Heads, обладатель «Оскара», «Грэмми» и «Золотого глобуса», с книгой «Записки велосипедиста». Он пишет о городе изнутри, с велосипедной точки зрения, которая выше пешеходной и автомобильной, но ниже вертолетной. Им вербально сфотографированы американские города, такие как Детройт, Техас, Новый Орлеан, Питтсбург, Нью-Йорк, также он путешествует на велосипеде по Берлину, Лондону, Стамбулу.

Энди Уорхолл (Andy Warhol) – менестрель культуры «серебри-ти» с книгой «Америка», – мозаика отснятых за 10 лет фотокадров и комментариев к ним, лица «настоящей» Америки не только в людях, но и в городах. Им визуально рассказаны те же города: Нью-Йорк, Новый Орлеан, Детройт, Техас.

Также представляет интерес книга Вальтера Беньямина «Улица с односторонним движением» (Walter Benjamin «Einbahnstraße») 1924 г. Она таит в себе предчувствие опасности, но пока ностальгический город Беньямина больше похож на вымышленный город, соединивший в себе лишь черты и начертания сна о Берлине, Риге, Москве, Париже, Фрайбурге. Город без толпы, но с персонажами, город Диогена, где фонарь освещает обретенные и потерянные во времени, памяти и снах Беньямина лица.

Большинство современных людей живет в городском пространстве, сливается с ним, вживается в него. Это может быть провинциальный городок, областная столица или мегаполис с типичными кварталами построек. «Уродливые новостройки, – пишет Д. Бирн, – невзрачных многоквартирных домов из бетона с легкостью стирают здания и кварталы XIX в. с “очевидным характером”. Весь мир наполнили дома-бункеры, бездушные спальные микрорайоны, мертвенно-скучные офисные здания» [4, с. 94]. Они не имеют расы, национальности, происхождения, у них нет коллективного бессознательного, но все вызывает к коллективному, минуя архетипы. «Клеточная память» стирается так же, как и память индивидуальная. «Каждый растрескавшийся бетонный монстр в странах третьего мира, – продолжает Бирн, – прикрывается оправданием в лице “интернационального” стиля» [4, с. 95].

Промежуток «интер» стал тем остатком, когда вычитал из целого норму Дж. Агамбен. Расщелина, трещина, расщеп, «интер»,

«между», «меж» и, наконец, «транс» стали показателями качественно новых преходящих и становящихся явлений. Вся культура заполнилась междисциплинарным подходом, мультикультурализмом, трансгуманизмом, а также трансплантациями, трансляциями, трансфобиями, трансидентичностями, транссексуальностью, трансвеститами, трансгендером и прочими трансформациями. Вечный процесс установления бесформенности. Нет формы, нет образа, а безобразное становится безобразным.

Прекрасные города превращаются в лабиринты серых костяшек с прорезями для окон. Предполагал ли Корбюзье, что законы для строительства больших городов настолько прочно осядут в пяти отправных точках современной архитектуры: 1) столбы или колонны, поднимающие фундамент («дом на ножках»); 2) плоская крыша (функциональное использование ее пространства для террасы или спортивной площадки); 3) свободная планировка; 4) длинные горизонтальные окна; 5) свободная композиция фасада (стекло, к примеру). Интересно, что человек, который «переделявал лицо мира» [7, с. 44], выстроил себе уютный деревянный домик-хижину, состоящий из двух помещений: рабочий стол и спальня. Домик с видом на залив был похож на панцирь краба. Однако большинство людей живут в новой архитектуре: железобетонный каркас, гигантские поверхности стекла, свободные пространства первого этажа.

Наряду с именем Ле Корбюзье хочется вспомнить еще одно революционное архитектурное имя Виктора Груэна, который в 1956 г. возвел первый в мире торговый центр в Эдине, пригороде Миннеаполиса. Некоторые считают его больше застройщиком-концептуалистом, чем архитектором. В статье «Нью-Йоркера» Малкольм Гладуэлл пишет, что Груэн не просто изобрел торговые центры, он создал архетип-модель, которой массово стали следовать [4, с. 168].

Торгово-развлекательные центры, блошинные рынки, продуктовые магазинчики на углу дома, киоски укладываются в своеобразную информационную единицу самоидентификации, которая воспроизводится человеком вновь и вновь с каждой новой покупкой.

Стандартная функциональная архитектура не только отражает, но и формирует наше сознание. Кажется, что современный человек стирает историю, память и символически заявляет о своей свободе,

которая, конечно, иллюзорна. Так, Энди Уорхолл, вторя Д. Бирну, в «Америке» говорит: «Я всю жизнь думал, что хочу надгробие вообще без подписей. Ни эпитафии, ни имени. Точнее, я бы хотел такую надпись – «вымысел» [8, с. 129].

Вымысел ближе всего к иллюзии. «Мне всегда казалось, – пишет Уорхолл, – что американский образ жизни лучше всего воплощен в политиках или актерах... они меняют свои личности на манер хамелеона, да и мы все тоже, каждый день. А вот интересно: бывает ли, что политик переусердствовал? Задумывается ли политик: “А где же я настоящий?”» [8, с. 152].

Такой же вопрос Уорхолл задает и про «настоящую Америку», которая в иллюзии не без помощи «фабрики грез» выглядит как «разбрызгиватели на зеленых газонах, качели во дворах, дети на велосипедах, почтальон едет и улыбается, женщина выгружает из машины пакеты с продуктами... и ты думаешь: здесь всем легко!» [8, с. 152]. На самом деле «настоящей Америки» нет, отвечает сам Уорхолл, как нет ничего настоящего: «собственно, шоу-бизнес показывает, что главное – не то, каков ты на самом деле, а то, каким тебя мнят» [8, с. 179].

Дэвид Бирн говорит об этой иллюзии как о «надувательстве, что каждый из нас уникален» [4, с. 89], поскольку то, что делает нас нами, многообразно до бесконечности, но все ограничено общей для всех формой.

Таким ограничением является архитектура. Нас помещают в коробки и хоронят в гробах. Установленная в брежневские времена СССР государственным стандартом норма проживания в 18 кв. м на человека стала проявлением гуманизма. Похоже на то, что М. Фуко писал про гильотину, чье изобретение стало высшим проявлением гуманизма общества того времени. Кажется, что эта норма потеряла актуальность, но культура быта в общей среднестатистической массе находит отражение в воспоминаниях И. Бродского «Полторы комнаты». Не только полумера удивила бы людей других эпох и стран («если вообще по-английски эта мера пространства имеет смысл») [5, с. 5], но и рассказ о доме Мурузи с «очевидным характером», который нес в себе историю страны. «Наши полторы комнаты были частью обширной анфилады в треть квартала»

ла. Здание было громадным тортом в так называемом мавританском стиле, столь характерном для северной Европы начала века» [5, с. 4]. История страны: «Что до нашей анфилады, то ее занимала чета: Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. После революции, в соответствии с политикой “уплотнения” буржуазии, анфиладу поделили на кусочки, по комнате на семью» [5, с. 6]. Кусочки были отгорожены фанерными, а затем каменными стенами. Далее И. Бродский говорит о счастливом исходе: в их коммунальной квартире проживало всего 11 человек, что было исключением. В среднем в ленинградских коммуналках насчитывалось от 25 до 50 человек. До брежневских времен в СССР минимальной нормой жилой площади было 9 кв. м на человека. Коммунальная квартира разрушала любые иллюзии относительно человеческой природы, так как делить одну кухню и одну ванную было похоже на «нечто племенное» [5, с. 6].

В продолжение темы власти архитектуры вспоминается Фонтанный Дом Анны Ахматовой на Литейном, также претерпевший политику «уплотнения» и повсеместного контроля. В квартире Анны Андреевны было окно, выходящее из ванной комнаты в подъезд. Дети Татьяна Ивановны (жены сына кухарки этой квартиры) смотрели, не идет ли человек «из органов»:

«Вот и идти мне обратно к воротам
Новое горе встречать».

Это из стихотворения А. Ахматовой 1959 г. [1, с. 30]. После свержения тоталитарного режима архитектурный контроль остался, это сжатие пространства до размеров «телефонной будки», так называла Анна Андреевна свой дом в Комарово. Коммуналки в центральных районах стали расселять в периферийные окраинные новостройки. Типика стала топикой, типичностью в пространственном и биографическом топосе. Коллективный топос также был открыт для взгляда власти, чему способствовали прозрачные стены и стеклянные ряды окон. Они просвечивали человека. Всеобщий рентген власти. Просвечивание в аэропортах и станциях метро, ряды сменяющих друг друга видеозаписей супер и гипермаркетов, культурных центров, музеев, частных дворов. Даже дома творчества строились в большей своей массе из стекла и бетона.

Нет более серой субстанции, чем бетон и на какой станции можно выйти из мчащегося поезда современной субъективности (субстанция как субъективная станция).

Мы обустроиваем все: от городских парков до так называемых природных ландшафтов. Хотя наблюдается разница в методах освоения земли у европейцев и американцев. Д. Бирн пишет, что «отношение европейцев к собственно ландшафтам состоит в том, чтобы вдумчиво привести континент в порядок. Американцы же предпочитают захватывать земли силой: замостить большие площадки или насадить долгие мили какой-то одной культурой (пшеницей, например)» [4, с. 56]. Абсолютная идея упорядочивания. Рассказ Бирна о Берлине называется «Ностальгия по грязи» [4, с. 54]: чистые и аккуратные поля и дороги, леса и сады – «Европа сделала себе маникюр» [4, с. 55].

Отношение садовников и права хозяина встречались и ранее, но это было привилегией нобилитета. Все парковые императорские зоны Санкт-Петербурга тому в пример. Возьмем Павловский парк. Была приговорка, что счастлив тот парк, в котором находились руины. Если нет, то их создавали. Специально высаженные букеты деревьев на полях, искусственно созданные озера и болота. Игра в природу, как игра в сельскую жизнь, напоминала игру в равенство. Влияние Монтеня, Вольтера, Руссо было при всех европейских дворах, исключение не составлял и двор Павла I. Известно, что Мария Антуанетта доила козу в фарфоровое ведро, исполняя идею равенства. К сожалению, без выявления закономерностей и не претендуя на выводы, мы знаем судьбу и Марии Антуанетты, и самого Павла, который так и посидел на краешке трона, как изображено в скульптуре внутреннего двора Михайловского замка в Санкт-Петербурге. Сейчас аристократическая привилегия создавать природный ландшафт, вырубая естественный, выросла до демократических размеров. Как-то Энди Уорхолл восторженно писал о демократизации: здорово знать, что ты пьешь Coca-Cola, Элизабет Тейлор пьет Coca-Cola, Президент США пьет Coca-Cola.

Серо-бетонные дома спальных районов смывают с нас будничные судороги наравне с эмоциями проведенного дня. Это большой ластик времени. Даже религиозная архитектура в новых районах

функциональна. Эстетически аскетична, скупа для канона. Храмовый топос в идеале должен быть отделен от повседневности, чтобы человек приходил к сакральному с нарастающим трепетом. Д. Бирн описывает хорватскую церковь в маленьком городе Миллвейле с необычными фресками Максо Ванна. Ассоциации с живописью Диего Риверы оправдывают соединение на фресках старого и нового, с изображением сталелитейного завода, миров: «сгорбленные вдовы в трауре оплакивают окровавленного пехотинца в гробу, а холмы за ними уставлены крестами. На другой стороне изображено продажное правосудие: фигура в противогазе держит весы, на чашах которого золото перевешивает хлеб» [4, с. 49].

Вальтер Беньямин в «Улице с односторонним движением» говорил о том, что «вещи утрачивают теплоту» [2, с. 34]. Новая архитектура тоже утрачивает теплоту, стирая историю и формируя новую чувственность. Воистину, иконический поворот сменяется тактильным вследствие нехватки и одновременной потребности человека в новых прикосновениях и ощущениях. Протянутые руки становятся метафорой нового мира, и они соединятся в объятиях.

Литература

1. Ахматова А.А. Слова прощенья и любви / А.А. Ахматова. – М.: Элис Лак, 1999. – 30 с.
2. Беньямин В. Улица с односторонним движением / В. Беньямин. – М.: Эд маргинем Пресс, 2012. – 132 с.
3. Беньямин В. Берлинское детство на рубеже веков / В. Беньямин. – М.: Эд Маргинем Пресс, 2012. – 144 с.
4. Бирн Д. Записки велосипедиста / Д. Бирн. – СПб.: Амфора, 2013. – 351 с.
5. Бродский И. Полторы комнаты / И. Бродский. – СПб.: Агат, 2006. – 49 с.
6. Веселова С.Б. Преодоление хаоса. Жизненный мир мегаполиса в концептах архитекторов, философов и социологов начала XX века / С.Б. Веселова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15. – Вып. 1.
7. Чудецкая А. Что придумал Ле Корбюзье / А. Чудецкая. – М.: Фонд Ле Корбюзье, Арт-Волхонка, 2012. – 51 с.
8. Warhol A. America / A. Warhol. – М.: Центр современной культуры «Гараж», Ad Marginem press, 2013. – 223 с.